

сидитъ, опять говорить: Алеша, тюкъ—тюрю-рюкъ! — Теща спрашиваетъ: что онъ говорить? — «Спать хочеть; задуй огонь!»—Она задула огонь; баринъ пришелъ спать.

Теща стала блины печь въ потемочкахъ. Напекла; легла спать. Баринъ-то и примѣтилъ, гдѣ она блины поставила, взялъ потихоньку тѣста и наѣлся, понесъ своему Алешѣ. И въ темнотѣ-то и поднесъ тещѣ, вмѣсто Алеши. А она спитъ, отдуваетъ губами. «Не дуй, не дуй! — говорить, и такъ не горячо!» Встаетъ поутру эта теща: у ней все рыло въ тѣстѣ; спрашиваетъ: слуги! подайте мнѣ умыться!

Баринъ это дѣло смѣтилъ. «Алеша! — говорить — ступай, лошадей *закладай* въ бричку!» — Алеша взялъ да этихъ лошадей и заложилъ. Принесъ барину денегъ за лошадей.— «Ахъ, говорить, дуракъ! ступай лошадей *выкупай!*» — Пожалуйте, сударь, денегъ!— Далъ онъ ему денегъ; онъ пошелъ и выкупилъ; пошелъ, сталъ запрягать.

Запрегъ лошадей, поѣхалъ съ бариномъ. Ъдутъ они, въ муравейники попали. Муравьи всѣхъ ихъ укусили. «Алеша! меня, говорить, муравьи *совсѣмъ* укусили!»— Давай-те, говорить, баринъ, я васъ въ мѣшокъ посажу. — Посадилъ онъ этого барина въ мѣшокъ. Взялъ, такъ-то плеткой сталъ бить барина своего. Баринъ его и спрашиваетъ: «Алеша, ты живъ?»— Баринъ, я живъ; меня кусали, кусали муравьи!—«Алеша! я, вѣдь, чуть живъ; меня какъ больно укусили муравьи!»— Выпустилъ онъ его изъ мѣшка и пріѣхали они домой.

ПОПОВЪ РАБОТНИКЪ.

Жилъ былъ попъ; вотъ у этого у попа не было работника: не уживались у него работники. Пошелъ онъ нанимать работ-

ника. Нанялъ; приходитъ домой, говорить: «попадья! я нанялъ работника!»—Ну, хорошо, говорить. Послали они работника молотить. Приходитъ время; онъ идетъ обѣдать. Приходитъ онъ и говорить: «попъ! пора обѣдать!»—Ну, что жь, свѣтъ, садись!—Онъ сѣлъ. Наняла попадья шей. А у попа маленькая дочка была. Только стали обѣдать, дочь-то и закричала. «Ну, свѣтъ, тащи ее на дворъ!» Покамѣстъ работникъ пробылъ съ ней на дворѣ, попъ съ попадьею ужь пообедали. Вотъ работникъ вернулся, говорить попу: что жь, говорить, батюшка! я не обѣдалъ!—«Что жь, свѣтъ! Два раза не обѣдаютъ!»—Мужикъ такъ и пошелъ опять молотить. Приходитъ ужинать; подали шей. Опять у попа дочь закричала. «Неси, свѣтъ, ее на дворъ!»—Вотъ онъ унесъ ее на дворъ; пока тамъ пробылъ, они ужь поужинали. Работникъ опять приходитъ и говорить: «что жь, свѣтъ! два раза не ужинаютъ!» Работнику ужь *скучно* стало; онъ взялъ, отъ нихъ отошелъ.

Поѣхалъ попъ опять нанимать себѣ работника; ѣдетъ на деревню; стоитъ кругъ мужиковъ. Онъ стоитъ и спрашиваетъ: «мужички, не пойдетъ ли кто ко мнѣ въ работники?»—Нѣтъ, говорятъ; мы знаемъ какъ у тебя жить-то!—А дурачекъ и говорить: «и, дураки! не умѣете вы попу услужить!»—Ну, ты, говорятъ, умный человекъ, ступай!—Онъ и пошелъ и сдѣлалъ уговоръ: не сходить и не стогнать другъ друга.

Вотъ на другой день попъ послалъ его молотить. Пришло время обѣдать; пришли; сѣли. Дуракъ и давай рѣзать хлѣбъ, весь его изрѣзалъ. Закричала опять дочь попа. «Ну, говорятъ, свѣтъ, тащи ее!» Онъ положилъ за пазуху краюху хлѣба, пошелъ къ ней. Покамѣстъ онъ пробылъ на дворѣ, весь хлѣбъ сѣлъ. Приходитъ съ надворья, говорить попу: «что жь говорить, батюшка! я, говорить, шей-то не хлебаль!»—Ну, свѣтъ! у насъ два раза шей не варятъ.—Пошелъ онъ молотить хлѣбъ; помолотилъ, пришелъ ужинать. Садятся за столъ;

дуракъ сталъ опять хлѣбъ рѣзать; нарѣзалъ хлѣба. Попова дочь и закричала. «Ну, свѣтъ, неси ее на дворъ!» Онъ взялъ половину хлѣба положилъ за пазуху, пошелъ съ ней. Пока пробылъ на дворѣ, весь хлѣбъ и съѣлъ. Пришелъ домой; легъ спать на печку. Вотъ попадья смекнула дѣло, что у нихъ работникъ много хлѣба ѣсть. «Что, говоритъ, свѣтъ, намъ дѣлать съ работникомъ? У насъ, вѣдь, хлѣба не достанетъ такъ-то!»—Что, попадья? Надо бѣжать со двора; мы съ нимъ, вѣдь, уговорились: не сходить и не сгонять другъ друга!— А работникъ и услыхалъ ихъ разговоръ.

Вотъ попадья на другой день, покажетъ работникъ молотилъ, засушила сухарей, положила ихъ въ мѣшки. Приходитъ работникъ обѣдать и увидалъ эти мѣшки. Съѣли за столъ; онъ нарѣзалъ хлѣба. У попа дочь закричала; онъ взялъ положилъ въ карманъ хлѣба, пошелъ съ ней на дворъ. Покажетъ онъ пробылъ, хлѣбъ весь поѣлъ. Приходитъ съ надворья, а попъ ему и говоритъ: «ты, говоритъ, свѣтъ, поди, потаскай скирдъ; а я отдохну, да къ тебѣ выйду.»—Работникъ видитъ, что они собираются бѣжать, не пошелъ таскать скирдъ. Когда они вышли въ другую комнату; онъ половину сухарей отсыпалъ, а самъ въ мѣшокъ-то и съѣлъ. Вотъ они убрались совсѣмъ; попъ взвалилъ одинъ мѣшокъ попадѣ; другой самъ понесъ; *ударились* бѣжать изъ дому. Бѣгутъ нѣсколько времени, а онъ въ мѣшкѣ-то и кричитъ: «догоню, догоню!»—Ну, говоритъ, попадья, никакъ онъ догоняетъ!—Побѣжали еще скорѣе. Бѣжали нѣсколько времени; онъ опять кричитъ: «догоню, догоню!» Наконецъ они выбились изъ силъ, принуждены были остановиться и остановились у рѣчки.

Вотъ попъ какъ броситъ съ плечъ мѣшокъ. «О, говоритъ, какой тяжелый!»—А работникъ и говоритъ: о, батюшка! ты меня ушибъ!—«Попадья! вѣдь, онъ тутъ!»—А, вы хотѣли отъ меня убѣжать! Нѣтъ, говоритъ, я васъ на днѣ моря

найду.—Пришлось дѣло къ вечеру; нужно было около рѣчки ночевать. Попъ и сталъ совѣтоваться съ своей женой, чтобъ батрака положить съ краю къ рѣчкѣ. Вотъ легли они спать. Батракъ ночью проснулся и переложилъ попадью-то на свое мѣсто, а самъ въ середину легъ. Попъ проснулся и будитъ батрака, думаетъ, что жена. «Вставай! давай, говоритъ, батрака-то въ воду скинемъ!» А батракъ ему говоритъ: давай, говоритъ. Размахнули ее и бросили въ воду. Батракъ и говоритъ: «ну, говоритъ, камень въ воду, чертямъ *поклонъ* (подарокъ)!» — Ахъ, свѣтъ, это ты остался со мной?—«Все я, говоритъ, батюшка!»—Попъ сталъ съ батракомъ жить да поживать.

72.

СТАРУХА.

Захотѣлось старухѣ медвѣжатинки; посылаетъ она своего старика. «Старикъ, а, старикъ! ты бы мнѣ принесъ медвѣжатинки, добылъ бы гдѣ!»—Постой, старуха! Вонъ тамъ медвѣдъ спитъ; я пойду, его ладышку тебѣ принесу!—Вотъ онъ отрубилъ, принесъ ладышку. Она зажарила ладышку; шерсть сидитъ, прядетъ, мясо ѣсть, а на шкурѣ сидитъ.

Вотъ этотъ медвѣдъ на трехъ ногахъ припрыгалъ и кричитъ:

По селамъ спятъ,
 По деревнямъ спятъ.
 Одна баба не спитъ,
Смутьянка не спитъ,
 На моей кожѣ сидитъ,
 Мое мясо ѣсть.

Взошелъ медвѣдъ въ сѣни, опять тоже кричитъ:

По селамъ спятъ....